

Еще новый рассказ Горького.

В 39-м сборникѣ „Знания“ будетъ напечатанъ новый рассказъ М. Горькаго „Случай изъ жизни Макара“. Въ этомъ рассказѣ Горькій трактуетъ модный вопросъ о самоубійствахъ.

„... Макарь рѣшилъ застрѣлиться“ — такъ начинается свой рассказъ М. Горькій. Незадолго передъ этимъ онъ чувствовалъ жизнь интересной, общающей открытъ множество любопытнаго и важнаго. Былъ Макарь здоровъ, и, какъ всякій здоровый юноша, любилъ мечтать о хорошемъ; жило въ немъ крѣпкое чувство единства и родства съ людьми... Онъ много работалъ и не мало читалъ... и все яснѣе видѣлъ онъ необходимость послужить всю душой великому дѣлу обновления“ ...

Но постепенно Макарь сталъ замѣчать, что вокругъ него образуется какая-то холодная пустота, что люди какъ будто устаютъ слушать его рѣчи. Макарь былъ самоучка, его мысли дорого ему стоили и, когда его начинали оспаривать, самолюбіе его сильно страдало. Макарь почувствовалъ, что онъ никому не нуженъ; это было ново и больно.

И Макарь сталъ искать одиночества и въ то же время тяготился имъ.

Макарь жилъ въ булочной, въ узкомъ пространствѣ между шкафомъ и глухой стѣной. Ему казалось, что онъ влюбленъ одновременно въ приказчицу Настю и въ дочь хозяина Таню. Одинокій, съ разбитыми мечтами, Макарь стремился къ дѣвушкамъ всею душой, ожидая отъ нихъ какого-то особеннаго, „женскаго“ слова. Но дѣвушки только подсмѣивались надъ девятнадцатилѣтнимъ Макаромъ. Читать Макарь уже не могъ. Его усталая голова не воспринимала больше книжной мудрости.

— Никуда я не годюсь. Никому не нуженъ,—думалъ Макарь и рѣшилъ застрѣлиться.

Макарь сдѣлалъ все нужныя приготовления, купилъ револьверъ и сѣлъ писать послѣднее письмо о своей смерти. Сообразивъ однако, что писать рѣшительно некому, Макарь написалъ только: „Если этотъ случай обезпочитъ васъ,—прошу извинить, М“.—и всунулъ записку въ щель шкафа такъ, чтобы Настя могла найти ее.

Макарь пошелъ къ тому обрыву, гдѣ задумалъ покончить съ собой. По дорогѣ, вблизи одного дома, онъ замѣтилъ дрожавшаго отъ холода котенка, надъ которымъ наклонился сторожъ-татаринъ. Макару стало жаль котенка, и онъ сказалъ татарину, чтобы тотъ спряталъ котенка за пазуху, тулупа.

Макарь выстрѣлилъ въ себя. Пуля пробила грудь навзлетъ и зажгла на Макари рубашу. Живой факель замѣтилъ издали сторожъ-татаринъ, подбѣжалъ къ Макару, засыпалъ его снѣгомъ и потомъ, вмѣстѣ съ городовымъ, отвезъ Макара въ больницу.

— Пьяницы, черти!—ругался полицейскій.

— Мы ему сейчасъ только видѣла, она все тверезыйъ была...—отвѣчалъ татаринъ.

Макара положили на столъ и извлекли изъ его груди пулю.

— Такой здоровенный парень и такую глупость затѣять!—шутить врачъ. Не стыдно нуте-съ?

— Не балагурьте,—проворчалъ Макарь.

Онъ самъ уже давно догадался, что сдѣлалъ глупость: это злило и угнетало его. Ему было нестерпимо стыдно... Хотѣлось попросить, чтобы съ нимъ не говорили или говорили какъ-нибудь иначе, но слова разбѣгались...

Макарь сталъ поправляться и увидѣлъ себя среди людей, чуждыхъ и непонятныхъ ему. Тутъ были безносые, грубо трунившіе надъ неудавшимся самоубійствомъ Макара, тутъ былъ учитель съ раковой опухолью на щекѣ, пристававшій къ Макару все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, отчего онъ застрѣлдился. Потомъ этотъ учитель пространно доказывалъ Макару, что нужно умѣть хотѣть только того, что доступно и по силамъ, и нужно умѣть сдерживать себя отъ бесполезной траты силъ, коихъ намъ дано немного...

Учитель былъ отвратителенъ Макару, и онъ думалъ:

— Вотъ какіе живутъ... О смерти Макарь е думалъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только представится случай, онъ убьетъ себя. Но откуда-то изъ глубины небольшого сердца, тихонько поднималось желаніе, чтобы пришелъ человекъ, дружески пожалъ руку и сказалъ бы, улыбаясь, что-нибудь простое, человѣчье, нѣсколько словъ.

Это было маленькое, робкое желаніе, робкое, какъ подсмѣшникъ—первый извѣтокъ весны.

...И человекъ пришелъ...

Макара навѣстила Настя. Она долго болтала о томъ, гдѣ бывала, какъ хотела...

„Макарь точно окостенѣлъ; онъ чувствовалъ себя обиженнымъ этимъ визитомъ и думалъ о томъ, какъ это ясно, что жизнь оскорбительна и жить не стоитъ.“

Но вотъ къ Макару пришелъ неожиданный гость—сторожъ-татаринъ.

Онъ рассказалъ Макару, какъ везъ его въ больницу, что Макарь говорилъ въ это время, и на прощанье сталъ звать Макара къ себѣ въ гости.

— Такой изба старый, крышь—бокамъ, на дворъ войдешь—поямнымъ ямамъ, а за нимъ—дверь, ну—тамъ я и есть. Придешь?

— Приду,—сказалъ Макарь,—обязательно приду, братъ!

— Ватъ—обязательнымъ! Чай пять будемъ...

— Зачѣмъ онъ приходилъ?—думалъ Макарь, когда татаринъ ушелъ.—Зачѣмъ?

Искать отвѣта на этотъ вопросъ было пріятно...

Потомъ пришли товарищи Макара по пеккарнѣ. Все трое принесли Макару гостиницы. Макарь видѣлъ, что двое отчаянно притворяются веселыми и развязными, а третій, валяясь въ пота, хочетъ казаться спокойнымъ—и все не удается игра: три пары глазъ жлобно мигаютъ, мечутся, бѣгая изъ стороны въ сторону, стараясь не встрѣчаться другъ съ другомъ и не видѣть Макаровы глаза.

— Ну, спасибо!—бормоталъ онъ, задыхаясь...

Дрожавшими руками Макарь хваталъ ихъ жесткія руки, смѣясь, всхлипывая... И вдругъ за сердце его схватилъ тихій шопотъ:

— Эхъ, ты. Какъ же это ты, а?

— Уда-арилъ ты на-асъ...

Третій голосъ добавилъ также тихо, но внушительно:

— А еще говорилъ—братцы, говорилъ— правда, говорилъ...

— Развѣ этакъ можно?

— Братцы, говорилъ, а самъ?

Смѣясь, плача, задыхаясь отъ радости, тихая двѣ разныя руки и, ничего не видя и всебъ существомъ чувствуя, что онъ выздоравливалъ на долгую, упрямую жизнь, Макарь молчалъ.

А сердитый парень, дѣловито покрывая голую грудь Макара одѣяломъ, ворчалъ:

— Да, братъ, говорилъ все—правду, а самъ?... Однако же, не простудить-бы тебя: мы—народъ съ воли, холодный...

...За окнами густо падалъ снѣгъ, хороня прошлое... („Моск. Газ.“).